

Сергей ФОКИН

НОЧЬ перед РОЖДЕСТВОМ 2020

@ЭЛИТА

16+

Сергей Фокин

Ночь перед Рождеством 2020

Электронное издательство "Аэлита"

2012

Фокин С.

Ночь перед Рождеством 2020 / С. Фокин — Электронное
издательство "Аэлита", 2012

Действие происходит в 2020 году после гражданской войны, унёсшей жизни большей части населения России. Крупные города исчезли с лица земли, экономика разрушена до основания, жизнь теплится только в деревнях да сёлах. Страна погружается во тьму, и, как встарь, плодится по её углам всякая нечисть. Красавице Оксане нравится кузнец Никола, недавно приехавший жить в их село, и она решает женить его на себе. Черт, сам мечтающий соблазнить девушку, имеет намерение во что бы то ни стало помешать ей. Он подговаривает подругу Оксаны Ларису за вознаграждение совратить Николу, и предать этот факт огласке, надеясь, что Оксана сразу же отвернётся от кузнеца. Неожиданно для всех Лариса влюбляется в Николу. Это его мать, по совместительству ведьма, задумала подобрать сыну невесту из зажиточного семейства и совершила обряд приворота. Никола озадачен появлением двух претенденток на роль жены. Он ставит условие: женится на той, которая первой принесёт ему новые валенки с калошами...

© Фокин С., 2012

© Электронное издательство
"Аэлита", 2012

Содержание

Вступление	6
1	7
2	10
3	13
4	16
5	19
6	21
7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Фокин

Ночь перед Рождеством 2020

© ЭИ «@элита» 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Время смуты миновало. Кто-то называл его второй Великой революцией, кто-то – бунтом голодранцев. Иным оно открыло дорогу к неожиданному достатку, потому что вызвало очередной передел собственности, а кого-то лишило власти – вместе с несметными богатствами и недальновидной головой.

Как случалось во все времена, более всего пострадал простой люд. Из городов-муравейников, превратившихся в могильники для собственных жителей, народ устремился к земле. Снова были заселены пустующие дома в деревнях и селах, застучали на земле русской топоры...

Долго продолжалось лихое время. Истребляли себя люди нещадно. Руины больших городов годами отравляли воздух на десятки километров вокруг запахом смерти и тлена.

Жизнь теплилась в небольших городишках да рабочих посёлках, в которых старики со старухами ещё не забыли древние ремёсла. Потому как промышленности не осталось вовсе. Электростанции были разрушены хозяевами прежней жизни, а революционеры в горячках извели под корень вначале нефтепроводы, а потом и газовые. Деревня обогревалась и кормилась сама, закупки продовольствия из-за границы сошли на нет.

Страна погрузилась во тьму, и, как встарь, расплодилось по её углам разная нечисть...

1

Степанида Ивановна была видной женщиной. Для своих сорока пяти лет выглядела очень даже прилично, недаром мужики в селе головы сворачивали, когда шла она мимо с коромыслом да вёдрами на плечах. Сохранившаяся с молодости фигура и плотная грудь её неизменно служили поводом посудачить даже бабам. Она ухитрялась накрасить губы какой-то особой мазью, от которых те блестели и казались привлекательными. И где только доставала?

Жила Степанида Ивановна вместе с сыном, местным кузнецом. Появились они в селе всего год назад, дом приобрели почти готовым, оставалось только сарай достроить да баню. Так сын её, Никола, всё сделал один, безо всякой посторонней помощи. Это было тем более удивительно, что соседские мужики за выпивку никогда не отказались бы помочь. Рукастый оказался хлопец. Недаром до смуты несколько лет работал на главном производстве райцентра в кузнечном цеху.

Чуть позже раздобыл он небольшую наковальню, смастерил из бычьих шкур меха – и взялся молотом стучать, да так справно, что народ к нему потянулся с заказами. Даже из ближайших деревень. Кому петли для ворот сделать, кому печные заслонки задвижкой оснастить, кому подкову для лошади смастерить. И сила у Николы оказалась немалая, хотя с виду не походил он на былинного богатыря. Видно, просто жилистым уродился.

Их с матерью хозяйство процветало. Поросята исправно толстели, картошка с капустой урожай дали на загляденье, даже посеянный позже соседей овёс успел вызреть и налиться. Куры у них были чёрные да жирные, точно бройлерные, а петух голосил громче других и слыл изрядным драчуном.

Надо сказать, что сама Степанида Ивановна страдала одним весьма странным недугом. В бытность свою работы бухгалтером в одной из фирм, перепродающих товары из Китая, чем и занималась тогда вся страна, Степаниду Ивановну угораздило поучаствовать в одном из политических митингов. Сделала она это осознанно, поскольку была человеком думающим, и видела, какой вокруг творится бардак. Но порыв добиться справедливости до добра не довел. Во время той демонстрации стояла она с огромным транспарантом и выкрикивала нелицеприятные лозунги против действующего правительства, когда на толпу бросилась полиция с дубинами и слезоточивым газом. Бойня длилась недолго. Степанида Ивановна находилась в первых рядах, поэтому удар по голове тоже получила одной из первых. Но не дубиной. Вышло так, что у транспаранта надломились ноги, и он всей тяжестью рухнул ей на затылок.

Жива она чудом осталась, а вот памятью поплатилась. Причем забыла всё до того самого момента, когда получила удар. Потом её в числе многих жертв доставили в госпиталь, кое-как заштопали швы и снова выкинули на улицу. Женщина пришла в себя и сразу поняла, что ничего не помнит. Говорить она не разучилась, даже кое-какие бухгалтерские термины бормотала, но забыла, кто такая и где проживает. Привели её домой добрые люди, узнавшие в растрёпанной и обобранной до нитки бродяжке свою знакомую. Никола уже не чаял увидеть мать живой. Потом память восстановилась, но весьма избирательно. Вспомнила Степанида Ивановна кое-что о своем семейном прошлом, а общественно-политическое осталось для неё закрытым.

Мыкались они в городе с Николой ещё пару лет, пока жизнь не сделалась невыносимой. Выйти вечером во двор стало опасно. Процветали разбой и грабёж, молодёжь подалась в рэкетирь да мародёры. Убивали, раздевали убитых, выносили из квартир никому уже не нужные телевизоры и холодильники. Богатства это не давало, видимость одна, но инстинкты к разрушению во всем обществе расцвели пышным цветом. Такое общество должно было или умереть, или измениться через кровопускание.

Среди прочего люда потянулись в село и Степанида Ивановна с Николой. Как оставшиеся в областном центре добивали друг друга, им было уже неведомо. Для матери с сыном началась новая жизнь.

Но ещё за некоторое время до этого почувствовала вдруг Степанида Ивановна, что, лишившись памяти и многих ценных знаний, она кое-что приобрела взамен. Поначалу ощущение пустоты в голове пугало её. Мыслей не было иногда по целому часу. Она могла смотреть в окно, и то, что видела там, никак не персонифицировала. То есть, не называла своими именами. Просто наблюдала – и не оценивала. Потом вдруг у неё появилось предчувствие, что за всем этим кроется какая-то тайна.

– Что я, идиотка, что ли? – в сердцах говорила она, пытаясь распалить в себе злость. Но злость не приходила. А на фоне нечеловеческого спокойствия пришло понимание, что она может управлять некоторыми вещами, о чём прежде и мечтать не смела. Например, одним только взглядом двигать посудой. Когда это получилось впервые, закрылась Степанида Ивановна на кухне, убедившись, что сын уснул, и принялась пробовать снова и снова. Урок закончился под утро, когда над столом парил целый чайный сервиз, а глаза женщины горели жёлтым, как у кошки, огнём.

С той поры сознание её изменилось коренным образом. Она стала замечать вещи, на которые прежде не обращала внимания. Например, крадущегося в темноте чёрного кота. И его природу. В том смысле, что не все чёрные коты на самом деле оказались обычными котами. Под личиной некоторых скрывались необыкновенные сущности, определения которым Степанида Ивановна поначалу дать затруднялась.

Это потом она стала догадываться о существовании чертей, бесов, домовых и прочей нечисти. А с некоторыми ей довелось позже и познакомиться.

О том, что её умение может быть опасным, Степаниде Ивановне пришлось однажды убедиться воочию. Как-то раз заметила она, что по пожарной лестнице соседнего дома поднимался человек с чулком на голове. Такими уборами никого удивить было нельзя, но отчего-то захотелось Степаниде Ивановне сделать этому человеку плохое. И она выгнула под ним ступеньки, лишь сузив глаза и почувствовав железо изнутри. Человек упал на асфальт, сломав обе ноги, и его поспешно унесли подельники.

Она ничего не сказала о своем даре Николе. Хотела во всем разобраться сама. По натуре Степанида Ивановна была человеком решительным, и трудности её не пугали.

Купить дом на селе можно было только за золото или серебро. Бумажные купюры потеряли всякую ценность. Обручальные кольца и цепочки резали на куски и, как во времена языческой Руси, обменивали на продовольствие. И именно золото стало главным эквивалентом денег.

Степанида Ивановна научилась его притягивать. Это выходило необдуманно, само собой, но действовало безотказно, по первому её желанию. Например, заведись у неё лишний килограмм муки, как тут же находился человек, готовый отдать за него последние украшения покойной жены. Потом, приложив терпение и находчивость, на эти безделушки приобреталось в десять раз больше продуктов. Времени на такие вещи имелось в избытке: работы в городе было не найти, народ в основном занимался выживанием.

За два года удалось скопить достаточное количество драгоценностей, чтобы спланировать покупку дома в деревне. Тогда мать с сыном и надумали податься из города. В одном селе и жильё подвернулось весьма кстати. Хозяева перебирались ближе к югу, в Волгоградскую область, где у них имелась родня, и продали недавно отстроенный дом, правда, с недоделанным двором и только заложённой банькой.

Ну, да тут сноровка Николы помогла. Покойный отец у него был плотником, кое-чему научил сына в юности. С такими навыками трудно умереть с голоду.

И пошло у них дело. Подкупили поросят, кур, пару коз, развели хозяйство. Жить стало легче. К тому времени и продразвёрстки в деревнях закончились: жалкие остатки армий само-распустились по домам, большие города вымерли, а маленькие перешли на подножный корм. Страна понемногу приходила в себя.

2

В ворота постучали, и Никола, вытирая полотенцем мокрую шею, крикнул:

– Мама, открой.

Степанида Ивановна поспешно вышла из избы.

– Ой, батюшка! Как это вы надумали? – заулыбалась она, пропуская во двор отца Савелия. Это был некрупный мужчина с узким бородатым лицом и хитроватыми глазами, ощупывающими всякого собеседника получше сержанта уголовного розыска. Его тулуп волочился по земле, так что сразу было видно, что шился он на другую статью. Да кто нынче смотрел на подобные мелочи?

– Здравствуйте, любезная Степанида Ивановна! – ответил тот, поводя носом: вкусно пахнуло печёными пирогами. – С наступающим вас Рождеством!

– Ой, спасибо! И вас тоже...

Отец Савелий прежде работал в колхозе обычным электриком, и звали его просто Савелием. Во времена смуты колхоз развалился, председатель с бухгалтером, прихватив кассу, бежали в дальние края, и каждый селянин стал жить сам по себе. Вдовец со стажем, Савелий никогда не имел склонности к земледелию, перебиваясь нищенской зарплатой да случайными приработками. Наступившие времена странным образом повлияли на мировоззрение народа. С одной стороны, тяготы и лишения подтолкнули людей к вере, а с другой – сделали их тёмными и недалёкими, укоренив привычку списывая все неприятности на дьявола и его пособников.

На этом и построил карьеру Савелий. Подговорил он односельчан поставить небольшую церквушку. Сложились те, кто сколько мог, заготовили материалов да всем миром и сладили. Возвышалась она теперь рядом с домом самого Савелия. А поскольку был он главным зачинщиком, то порешили на общем собрании назначить его служителем, проводником Божьей воли в отдельно взятом селе.

По правилам, не мог он без рукоположения епископа сделаться ни диаконом, ни тем более священником. А потому и таинства святые совершать ему тоже не полагалось. Но епископы не торопились посетить их населённый пункт, поэтому мужики опять же сами наделили его этими правами. Сделался Савелий отцом Савелием, и по выходным справлял в церкви службу. Если нужно было крестить младенца или венчать кого – запросто мог помочь и в этом. Возможно, святости перед лицом апостолов православной церкви ему и не хватало, зато обряды проводил точно по канонам, вычитывая о них в соответствующей церковной литературе. В общем, претензий к нему у селян не было.

Помимо службы Богу надумал Савелий послужить и народу. Рядом с церковью соорудил большущий сарай, который назвал клубом, и где два раза в неделю стал организовывать танцы для молодёжи. Для этого на средства прихода закупил солярки и восстановил старенький колхозный генератор. Его мощности хватало на то, чтобы осветить помещение и дать электроэнергии на кассетный магнитофон, усилитель и пару больших акустических колонок.

Затея молодёжи понравилась, иной раз девчонки и парни приезжали даже из соседних деревень. Популярное сделалось мероприятие. Опять же, жить-то Савелию на что-то надо было. Приходских даров обычно не хватало, а за вход на танцплощадку брал он с каждого по пять яиц или молодого цыплёнка. Тем и питался. Было замечено, что за последние пару лет комплекция отца Савелия чуть увеличилась, но при его природной худобе это только добавило солидности.

– Здравствуйте и вы, Савелий Игнатьевич! Милости прошу в дом.

– Вы уж, как хозяйка, первая!

«Хороша, чертовка! – подумал Савелий, глядя на округлости моложавой женщины и её походку, совсем не деревенскую. – Не идёт, а пишет!»

«Ох, плут, всё бы ему на задницы смотреть!» – ухмыльнулась Степанида Ивановна, умопомрачительно качнув бедрами. Это была бухгалтерская привычка, когда мужчина в комнате был только один – руководитель, и все сотрудницы старались ему понравиться.

– Я ведь по делу к вашему сыну, Степанида Ивановна, – сказал Савелий, входя в дом.

– Только лишь? – Улыбка на её лице обещала многое.

– И повидать вас, конечно! – уточнил гость. – Пошептаться, знаете ли...

– Опять новости принесли?

– Как сорока на хвосте! Мы без этого не можем. Я ведь, Степанида Ивановна, по совместительству почтальон тутошний. Мне всё знать положено.

Никола поздоровался с отцом Савелием, и тот окрестил его. Они сели за стол, и пока хозяйка накрывала, чем Бог послал, Савелий завёл разговор с кузнецом.

– Вот такую штуковину мне надобно сделать. Лапа от генератора. Подпрыгивает он без неё, собака! Отломалась лет десять назад, оттого и использовать его перестали. А как восстановить, с тех пор мучаюсь. Не могу укрепить – и всё тут. Думаю посадить на болты. Поможешь?

– Конечно.

– До вечера управисься? Я всё подготовлю, чтобы заменить в одночасье. А потом будут танцы. Праздник ведь завтра, светлое Рождество. Молодёжь всю ночь гулять намеревается. Окультури́м её, как сможем, чтобы греха не вышло.

Почесал затылок Никола, глядя на деталь, и пошёл переодеваться в рабочую одежду.

– Рюмочку, батюшка, не откажитесь? Ржаная, не свекольная какая-нибудь! – Степанида Ивановна извлекла из шкафа бутылку немного мутной самогонки.

– Вашу – всегда с удовольствием. Но в меру, потому как вечером предстоит мероприятие. А завтра утром – служба. Милости прошу на неё.

– Обязательно. Вот пирожком закусите. Постный ещё.

Отец Савелий смачно крикнул, занюхал пирожком и с удовольствием впился в него зубами.

– Так что в селе болтают? – спросила хозяйка. Новостей против прежних лет было мало-вато, жизнь потекла ровнее, и людям вместо телевизора было за радость просто посудачить друг с другом.

– Да говорят, Оксана, Степана Федоровича дочь, замуж надумала.

– За кого же? Вроде бы не гуляла девка, – удивилась Степанида Ивановна.

– Так это же и самое удивительное, скажу я вам! – потер руки гость. – Потер руки гость. – Никола ей по нраву!

– Какой Никола? Мой?

– А какой же? Других не имеется.

– Вот чертовщина! – всплеснула руками хозяйка.

– Не к ночи будет помянута – согласно кивнул отец Савелий. – Я, признаться, тоже порази́лся. Каково, а?

Степанида Ивановна на секунду задумалась, потом достала ещё одну рюмку, налила, одним глотком осушила и аккуратно поставила на полку. Потом опомнилась и наполнила рюмку гостю. Тот посмотрел на женщину уважительно, с присвистом выдохнул, и тоже выпил, но маленькими глотками. Лицо его перекосилось на одно мгновение, вернулось на место, а вскоре на нём расплылась довольная улыбка.

– Что скажете, уважаемая Степанида Ивановна?

– Что сказать? Может, брешут люди. Не очень-то я верю в это, Савелий Игнатьевич. Сыну моему, конечно же, пора задуматься о женитьбе. Ведь вы знаете, как сложилась его первая любовь.

– Да-да, девушка погибла во время революции.

– Погибла безвинно, потому и потерять её было тяжело. Особенно для молодого парня. Жизнь у них только начиналась. Планы строили совместные, детей хотели...

– Больно это слышать, Степанида Ивановна, – сделал скорбное лицо гость. – Весьма.

– Прошло уже пять лет, а забыть её не может.

– Вероятно, не нашлась та, кто могла бы помочь в этом, – намекнул отец Савелий.

– Да кто ж его знает? – развела руками хозяйка. – По мне, так пора уж ему о семье думать. Не век же бобылём ходить.

– Девка-то справная, Степанида Ивановна. Первая красавица на селе. Да парни нынче пошли несмелые. Прежде, бывало, подходили первыми, ухаживали долго, случалось, дрались между собой. Старались показать удаль. А теперь сидят по домам, на танцы приходят – межуются. Девки сами к ним пристают. Всё с ног на голову перевернулось. Благодарение Всевышнему, что «голубая» революция захлебнулась, снесло её Второй великой. А то ходили бы сейчас по селу, как швейцарцы, в юбках. Тьфу, срамота!

– Значит, хорошо, что не помню я ничего этого, Савелий Игнатьевич! – покачала головой хозяйка. – После травмы-то... Страсти какие были!

– Верно заметили, Степанида Ивановна, страсти немалые. Так что подумываете?

Женщина покачала головой в сомнении:

– Хороша девка, спору нет. И лицом, и фигурой... Только бедновата. Приданного за ней числится всего ничего.

– Родители болеют, – согласился собеседник. – У отца ноги, у матери грыжа... Но хозяйство у них крепкое.

– Сделаем вот что, батюшка. Как придёт Никола машину вашу чинить, пусть остаётся до танцев. Нечего ему дома на печи валяться. Тем более что праздник завтра. Развеемся немного. Может, приглянется ему кто... побогаче.

– И то верно, Степанида Ивановна. Подскажите ему, а я уж со своей стороны поспособствую. Пропадает ведь хлопец впустую. А баб нынче незамужних да одиноких пруд пруди. Мужиков вот не хватает.

Сказав эту наделённую вторым дном фразу и премного довольный собой, отец Савелий выпил на дорожку ещё рюмочку, и стал прощаться.

3

Оксана действительно была первой красавицей на селе. Как про неё говорили – с лица можно воду пить – и не напьешься.

Длинные волосы после четверти века забвения снова стали популярными. Причина известная – парикмахерские попросту исчезли под руинами городов. Так вот, слегка выющиеся чёрные волосы девушка умудрялась сложить в такую хитрую причёску, что подружки даже скопировать не могли. А когда она распускала косы, те шелковистым водопадом спускались намного ниже её крепких ягодич. Набухающая ко времени грудь радовала глаза мужиков своими округлостями, а тонкая талия и плотные бёдра вообще могли свести с ума кого угодно. Довершали дело стройные длинные ноги, которым позавидовали бы скаковые лошади времен бухарских эмиров.

Десяток лет назад, когда ещё и о смуте никто не подозревал, и нравы стариковские худо-бедно поддерживались, стала бы она если не победительницей конкурса «Мисс Вселенная», то, во всяком случае, первой моделью на областном подиуме. Не заметить её было невозможно.

Но то время безвозвратно кануло в Лету. Пережившие революцию мужики не обладали, как говорили прежде, ярко выраженной харизмой. Они были безынициативны, так что девушкам приходилось брать процесс знакомства под свой контроль. К тому же, свободных парней оставалось мало, многие полегли в войну, и выбрать амбициозной барышне было не из кого.

Характер не созревает на пустом месте. Ещё в раннем детстве однажды заболтались бабки да мамки, прозевали – и забрела Оксана в лес, который находился всего в нескольких сотнях метров от села. Да и сгинула там. Искали её трое суток, экстрасенсов пытались подключить, тогда они только силу набирали на телевидении, но все кудесники как один отказались помогать в поисках, сославшись на неведомое сопротивление их способностям. А потом появилась девчушка как ни в чём ни бывало, прискакала на одной ножке и весело рассказала, что видела она деда седого, который кормил её баранками и поил чаем на травах. Пояснить точнее, где она была, Оксана не смогла. Вот и стали поговаривать старики на селе, что, мол, Леший готовит себе новую невесту. Предрекали по этому поводу красоту девке неписанную, да стать королевскую. Так, в общем-то, оно и вышло: славная сделалась девка, видная.

В каждой женщине скрыта чертовка, это давно известно. Неудивительно поэтому, что рано или поздно их пути и тропы нечистого пересекаются.

С Оксаной это случилось, когда ей исполнилось шестнадцать. Они с лучшей подружкой Ларисой готовились к гаданию на святки. Запаслись свечами, золотыми колечками и блюдами. Лариса отправилась домой выспаться, потому что гадать предстояло до утра, а Оксана сидела перед большим зеркалом и задумчиво расчёсывала волосы. Родители к тому времени ушли к соседям в гости.

Тут он и возник за её спиной в расплывчатом образе писаного красавца. Девушка увидела его в зеркале, ахнула, обернулась – а перед ней стоит чёрный субъект, с телом, покрытым волосами, пяточком вместо нормального человеческого носа и парой кривых рожек на голове. Ах, да, ещё длинным хвостом помахивает из стороны в сторону! А из одежды на нём всего распахнутая рубаша неопределённой расцветки и короткие, до колен, шорты в чёрную клеточку.

Она едва в обморок не упала. Чёрт поддержал её очень галантно. Прикосновение его рук было таким нежным, что Оксана мигом пришла в себя, и закричала:

– Чур, не меня! Чур, не меня!

– Я, собственно, и не собирался, – ответил чёрт со смешком. – Просто хотел завести знакомство. Проходил мимо, дай, думаю, загляну на огонёк.

В тот день она ещё не могла разговаривать с ним без боязни, потому что с детства знала, чем может закончиться такое знакомство. Зато ночью в блюде увидела того же самого хлопца,

что и в зеркале несколькими часами раньше. Правда, красавчик делал ей недвусмысленные знаки, и девушка испуганно ударила по воде ладошкой. После этого наваждение пропало.

Потом чёрт приходил ещё и ещё. Они уже могли запросто сидеть друг против друга и вести беседу, причем чёрт оказался весьма приятным собеседником. Он был в меру умен, начитан, но не до такой степени, чтобы отпугнуть красавицу. И пользовался каждым случаем, чтобы её похвалить. Оксане это нравилось, недаром говорят: девушки любят ушами.

Он уже не казался ей таким страшным и неприятным типом, как поначалу. Случалось, чёрт брал её за руку, и даже приглашал на танец. Она не противилась, потому что любила танцевать, а развлечений в деревне, особенно зимой, не хватало.

Как-то рогатый гость, скроив лукавую физиономию, шепнул ей:

– Тебе нужно больше впечатлений, душенька. Жизнь скучна, если нет страстей.

– Где же их взять-то? – вздохнула девушка.

– Давай я познакомлю тебя с кем-нибудь! – предложил чёрт. – Есть ещё неженатые мужики.

И стал предлагать ей кандидатуры и даже устраивать так, что Оксане удавалось познакомиться с ними поближе. Только нрав у неё оказался тяжеловат. Парни за живое Оксану не задевали, и один за другим переходили в категорию «отработанного материала». Впрочем, чёрт и сам старался выставить их не в лучшем свете. И делал это не без умысла...

В последний день перед Рождеством стемнело рано. Звёзды высыпались на чернеющий небосвод, взошёл месяц, освещая православный мир, и добрые люди стали готовиться к празднику. Родители Оксаны снова пошли к соседям, где можно было провести вечер за игрой в лото. Забежавшая на минуту Лариса пообещала прийти через пару часов, и на её раскрасневшемся от мороза лице в предвкушении танцев светились радостью глаза.

Чёрт появился с негромким кашлем, когда Оксана, стоя перед зеркалом, примеряла поверх тонкой ночной сорочки своё самое красивое платье.

– Ещё бы в баню пробрался, негодник! – погрозила ему пальцем девушка.

– Я там бываю частенько, – ухмыльнулся гость.

– Ты? – возмутилась она. – Это когда, позволь спросить?

– Третьего дня, например... Кто же мне может запретить, душа моя?

– Бесстыдник окаянный!.. И сколько раз я просила тебя не называть меня «своей душой»! Забыл?

– Прости. Не жизнь, а суета. О главном даже забываешь.

– О чём же это?.. Помоги-ка, если пришёл! – Оксана повернулась к чёрту спиной, и тот ловко застегнул ей на платье молнию.

– Всё о том же, о личной жизни. Нет её у меня, – посетовал чёрт.

– У кого же она есть?

– Вот я к тому и говорю! Может быть, подумаем об этом вдвоём? – Гость ловко встал так, чтобы, глядя в зеркало, девушка видела и его.

– Это в каком смысле? – удивилась она.

– Ну, что же тут непонятного. Я молод... по нашим меркам. Здоровьем не обижен. Могу дать женщине всего, что ей захочется, даже с избытком. Денег, любви...

– Ты серьёзно? – хохотнула Оксана. – Не смей меня. Ты же страшный!

– Я могу стать таким красивым, что у тебя душа уйдёт в пятки.

– Красавцы бывают только в старых журналах, – отмахнулась руками она. – Да мне особенно и не нужен красавец. Был бы он таким... понимаешь... вот таким! – Она развела руки вширь.

– Толстым, что ли? – недоверчиво фыркнул чёрт.

– Да нет! Мужественным!.. Как кузнец Никола, например.

– Тебе нравится кузнец?! – возмутился гость. – Этот неотёсанный болван с бычьей шеей? Да его руками не девку мять, а баклуши в щепу ломать!

– Зато от него за версту веет мужчиной! – мечтательно взглянув в окно, вступилась за Николу Оксана. – Этакий богатырь! Как в былине, понимаешь?

– Красавица и чудовище! – Чёрт мелко затрясся от смеха.

– Никакое он не чудовище! Лицо у него открытое, для парня очень даже ничего...

– Гм... – Гость на мгновение задумался, потом глаза его недобро блеснули. – И давно ты об этом задумалась, милочка?

– Нет, – после небольшой заминки ответила девушка. – Только вчера. Родители говорят: ищи пару, мы же не вечные. Найду, нарожаю детей – старикам в радость. Будет им кому стакан воды подать, если слягут.

– Тебе ли с твоим лицом и фигурой на кузнеца обращать внимания! Он же грязный ходит, как... как трубочист! Стань моей, и я сделаю так, что твои родители будут жить в здравии ещё много лет. А хочешь перебраться в город – можно и туда, у меня всюду связи.

Оксана только отмахнулась, смеясь. Обиделся чёрт, зашипел про себя. Как на грех, оставалась ему последняя ночь бродить по земле, сбивать людей с пути истинного. Потом на целых двенадцать дней будет изгнан он в свою преисподнюю для лечения телесных и душевных ран. А за двенадцать дней может столько всего произойти! Без надзора-то...

Хочешь не хочешь, коли вознамерился получить в любовницы лучшую девку на селе, приходится из шкуры лезть, а своего добиваться. Такой добычей он мог бы переплюнуть в этом году всех других бесов. Уважение в преисподней многого стоит. Хотя бы взять те же льготы на кредитование денег и чудес...

«Ну, кузнец, берегись! Сотру я тебя в порошок!» – подумал чёрт, и поспешил распрощаться с Оксаной, обещав непременно свидеться с нею перед рассветом.

Мысли расправиться с кузнецом он поддался тем более охотно, что знал: вёл Никола ненавистный нечистому праведный образ жизни. Такого извести – настоящий подвиг для любого беса.

Отправился чёрт прямиком к Ларисе.

4

За широким столом, покрытым белоснежной скатертью, восседали Савелий и Александр Иванович, отец Ларисы.

Гостиная в большом деревенском доме была просторна и светла. В красном углу, как и полагалось, находились несколько икон, в том числе одна большая, потрескавшаяся от времени. Православные люди, как правило, не кичатся своей верой, но обычаи уважают и соблюдают. Кроме стола, выделялась своими размерами огромная стенка нежно-коричневого цвета – пережиток раннего капитализма, когда мебель можно было приобрести в любом магазине, даже хлебном, а денег у народа на это не находилось. Её полки украшали разные безделушки, милые женскому сердцу, но более свойственные ныне пришедшим в упадок и разрушение городам: всякого рода фарфоровые статуэтки, яркие коробочки из-под парфюмерии, которой давно уже не пахло в деревнях, застеклённые фотографии главы семейства и детей в школьные годы, и многое другое. Вдоль одной из стен располагался диван и два больших кресла, немного потёртые, но по сравнению с деревянными скамьями выглядевшие симпатичнее. Над окнами висели старинные, покрашенные серебрянкой, гардины, а на них – тюлевые занавески и ночные шторы, совсем немудрёные, но здесь выглядевшие уместно.

– Мы с тобой, Александр Иванович, люди интеллигентные, – сказал, продвинув пешку на две клетки вперед, отец Савелий. – Таких ещё поискать надо. В округе – шиш да маленько, а в селе и того меньше.

– Это верно, Савелий Игнатьевич! – в задумчивости почёсывая подбородок, ответил его соперник по шахматной партии. Имел он лицо суровое и бритое, чем отличался от большинства односельчан. Купил он когда-то по распродаже коробку китайских лезвий для безопасной бритвы. Так пользовался ими, почитай, десять лет, а извел мало. Объяснялось это просто: изобрёл Александр Иванович способ восстановления лезвий – нехитрый, но, как оказалось, действенный. После каждого бритья разбирал он станок и оттягивал пальцами невидимые (читай – воображаемые) зазубрины, словно расправляя их. Срок службы каждого лезвия вырос в пять-шесть раз. Изобретение своё Александр Иванович поначалу скрывал, а позже оно никому уже было ненадобно.

Глаза хозяина дома смотрели прямо, подчеркивая простой, но одновременно напористый характер.

– Ну, и задачку ты мне задал, однако... – почесывая подбородок, сказал он.

Александр Иванович был самым хозяйственным и зажиточным мужиком в селе. Подворье его размахнулось почти на полгектара земли. В нём даже лошади имелись – по нынешним временам роскошь необыкновенная. В колхозную бытность Александр Иванович исполнял обязанности агронома, но тесных отношений с руководством не завел, поэтому при развале хозяйства от общественной собственности ему достался только сломанный трактор, на который не позарились оптовые покупатели. Машину Александр Иванович починил, и с её помощью вспахивал огромные площади. Картошку, свёклу с капустой выращивал в таких количествах, что тоннами продавал заезжим коммерсантам или обменивал у них на солярку.

Опять же за соответствующую мзду помогал односельчанам с пахотой, отчего, кроме дохода, имел немалое уважение.

В одной из пристроек поселил он семью беженцев, и те исправно работали у него за харчи. Деваться в такое тяжёлое время людям было совершенно некуда. Отец Савелий назвал этот поступок актом милосердия, и постоянно упоминал в своих воскресных проповедях. Кроме того, оказался беженец бывшим мотористом, и собрал из брошенных жителями деревни автомобилей (бензина всё равно не было!) какую-то колыхагу, напоминающую тягач. На нём возили из леса дрова и брёвна для нового строительства.

Имея такое хозяйство, работать приходилось и самому Александру Ивановичу, и жене его, и детям. Вечерами позволял он себе немного расслабиться и сыграть партию-другую со своим давним приятелем Савелием.

В лихие времена, когда власти начали проводить активную продразвёрстку, надеясь продлить агонию городов, грабители повадились и в их село. Вначале забирали излишки, потом дело дошло до того, что амбары и погреба подчищали полностью. Тут народ и взбунтовался.

На Руси издавна повелось: обиды людей копят, потом переливаются через край, и тогда уже держись всякий, кто попадёт под горячую руку. Сельчане на одной из сходок порешили поставить на грабежах крест. В числе зачинателей этого почина был и Александр Иванович, человек не улыбочивый и неглупый. Тщательно подготовились, вооружились, кто чем мог, и однажды вырезали отряд продразвёрстки подчистую. Технику и тела утопили в болоте, а оружие растащили по тайникам. Причём расправу произвели в ночном лесу, комар носу не подточит. После этого их округу навсегда оставили в покое.

С тех пор был Александр Иванович выбран на селе старостой.

– Вот ты говоришь: слово Божье! – продолжая начатый ранее спор, сказал Савелий. – А я говорю, не хлебом единым сыт человек. Это к тому, что молитва молитвой, но нужны ещё и развлечения. Если заниматься самоистязанием, как когда-то делали святые, молодёжь опять побежит в город.

– Не побежит, – отмахнулся хозяин дома. – Куда ж ей бежать? От районного центра остался шматок, областного вообще в помине нет. Что она там будет делать? С голоду пухнуть?

– Заводы восстанавливать!

– Чтобы на заводе работать, инженеров сначала сыскать нужно. А где они нынче? Все легли под махину революции. Сложили головы.

– Это верно, люда полегло немало. Но вспомни, Александр Иванович, книги, которые мы в детстве читали. «Поднятую целину», «Как закалялась сталь». С чего тогда начинали строительство? С лопат.

– И возводили хозяйство на костях. Нету нынче такого количества людей на Руси, чтобы повторять тогдашнюю ошибку...

Игроки уже завершали партию, когда с мороза вернулась Лариса. Была она чуть ниже и объёмнее своей лучшей подруги, но, по мнению отца Савелия, полнота только добавляла ей шарма. Лицом же она уродилась недурна, даже симпатична, а большие глаза и вовсе затягивали мужиков, как в омуты. Маленький вздёрнутый носик делал её немного похожей на весёлого пухленького поросенка, а бойкий характер только подчеркивал это.

Имела Лариса одну слабость: дорогие украшения. Отец её баловал, покупая их каждую осень, и приговаривал, что это будет приданное к свадьбе. Иной раз надевала девушка то, что хранила в заветной шкатулке – ни дать ни взять королева! Крутится, бывало, перед зеркалом, а у самой глаза горят: так ей блеск золота да камней нравится.

Сняв валенки у порога, но не сбрасывая тулупа, направилась она в свою комнату.

– Откуда, дочь, и куда? – спросил Александр Иванович строго. Своим детям он баловаться сверх допустимого не разрешал. Держал не в ежовых рукавицах, но под постоянным контролем. А любовь демонстрировал подарками.

– К Оксане пойду. Сегодня клуб открывается, правда, дядя Савелий?

– Правда, дочь моя. В Сочельник без песен нельзя, – отозвался тот, с удовольствием посматривая на девушку. «Сочная и пушистая, как булочка! – подумал про себя. – Так бы и съел». Греховные мысли несколько не пугали Савелия, потому что, исполняя по воскресеньям роль священника, он научился всячески их избегать, а в остальное время, будучи мирянином, вполне мог себе позволить расслабиться.

«Чем не попадья? – мелькнуло у него в голове. – Конечно, Александр Иванович, старый пень, будет против, но и на старуху бывает проруха...» Тут ему вспомнилась замечательная походка Степаниды Ивановны, и святой отец озадаченно крикнул. Выбор был не из легких!

Жена его умерла от рака больше десяти лет назад, и за это время он мог бы найти ей замену, но что-то его всегда удерживало. «Промысел Божий!» – любил говаривать по этому поводу и особо не переживал. Всему своё время. Слава Богу, только разменял шестой десяток. Жить ещё да жить.

Не заметили мужики странного блеска в глазах девушки и, тем более, не обратили внимания, что тщательно прячет она в одном из своих карманов.

А лежали там невиданной красоты и ценности бриллиантовое кольцо и небольшая бутылка с желтоватой жидкостью.

5

Закрыв за собой дверь, Лариса прислонилась к ней, зажмурила глаза и перевела дыхание. Неужели это ей не привиделось?

Он заговорил с ней неожиданно. Большая часть пути к дому осталась позади. Снег под ногами привычно поскрипывал, а мороз понемногу щипал щёки. Мечтая о славном веселье сегодня ночью, она поначалу даже не обратила внимания, что рядом с ней на чистом полотне сугроба появились чьи-то следы. Невидимка шёл всего двух шагах слева. Лица его девушка не разглядела, хотя ощущала присутствие и отчаянно шурила глаза. Но голос, вкрадчивый и внушительный, сразу захватил всё её внимание.

– Ты достойна намного большего! Я могу открыть перед тобой мир такой неопишуемой красоты, что всё, что ты видела прежде, померкнет! – шепнул он горячо.

Первой мыслью Ларисы было взвизгнуть, как делают большинство молодых девчонок, когда их пугают. Ведь ясное дело, что не может обычный человек говорить с нею в чистом поле, при этом не показываясь на глаза. Стало быть, это тот, кого в церкви упоминать не принято. И отпечатки его ног на снегу виднеются. Копыта, определённо копыта. А если так, то появление этого типа ничего хорошего не сулит. Он ведь всегда только обманом берёт...

Впрочем, то, что Лариса живёт сейчас не так, как ей хотелось бы, верно. Разве может то, что она видит вокруг, разжечь воображение? Летом работа да пьяные мужики, а зимой скуотища – только в гадании отдушину и найдёшь.

И чем дальше рассуждала девушка, тем острее себя жалела. Ничегошеньки она пока в своей жизни не видела.

Перед её мысленным взором тотчас возникла картина жаркой южной ночи, в которой рядом с ней будет находиться смуглый красавчик... Она видела такого в журнале. Его звали Мачо. Он обязательно окажется принцем крови со своей собственной казной и кучей драгоценностей, разбросанных по кроватям, тумбочкам и стеллажам. Они будут целоваться в засос и кататься по мягкому персидском коврику, щепаясь, шлёпая по ягодицам и щекотя друг друга. Она станет повязывать на его шее галстук – признак состоявшегося мужчины, а он – одевать ей цепи с кулонами, перстни и кольца – в знак вечной любви.

– Я исполню твои самые сокровенные желания. Ты не будешь знать слов отказа от мужчин. Поманишь пальцем – и все они падут к твоим ногам вместе с чемоданами, набитыми сокровищами.

– Алмазами и рубинами? – произнесла Лариса, не в силах разрушить воображаемую картину.

– Конечно! – обрадовался чёрт, найдя нужную струну. – Хочешь такой подарок, который прежде носили только царицы? – И в воздухе возникло сверкающее чудо.

Она засомневалась, было, но когда взяла из его рук кольцо и увидела, как блеснули грани бриллиантов в лунном свете, сердечко её задрожало. Это походило на сказку, где добрая фея одаривает маленькую девочку подарком, о котором та мечтала всю жизнь. И то, что роль феи выполнял обыкновенный чёрт, сейчас не имело никакого значения.

– Что я должна сделать? – Спросила Лариса, словно пребывая во сне, прямо на глазах становящимся реальностью.

– Сущие пустяки. Соврати кузнеца Николу и расскажи об этом подругам. Пусть все знают, что он гоняется за каждой юбкой.

Её будто швырнуло с неба в саму грязь, так что брызги разнеслись по просёлкам. Даже в рот попало, потому как от возмущения и произнести что-либо сделалось затруднительно – зубы слиплись. И замаяхнулась Лариса подарком, чтобы бросить его собеседнику прямо в лицо. Но, во-первых, лица-то так и не увидела, а во-вторых, через минуту обладания вещь уже

срослась с нею. Расстаться означало вырвать частичку своего сердца. Застыла рука в воздухе, потом медленно опустилась.

И кивнула Лариса, сама не веря, что она это делает. Никогда бы в жизни про себя такого не подумала! Стыд-то какой! Как-то воспримут её поступок отец с матерью?

– Они поймут, не переживай. Именно этому и учили тебя всю жизнь.

Поплывшее сознание охотно подтвердило высказанную собеседником мысль. С раннего детства отец внушал ей, что единственное, ради чего стоит жить – это богатство. В мужа пророчили не бедного но достойного принца на белом коне, а сына азиатского шейха, пальцы которого были бы унижены перстнями, а в ушах и носу висели алмазные подвески. Пусть даже не разбирающего по-русски.

– Ты не отнимешь его? – В глазах девушки появился лихорадочный блеск. Чёрт ухмыльнулся. Впрочем, девушка поняла это только по изменившейся интонации говорившего.

– У тебя есть время до рассвета. Не успеешь – кольцо исчезнет.

– Я... я успею! – выдавила из себя Лариса и бросилась бежать. Ей необходимо было хоть несколько минут побыть одной, чтобы осознать произошедшее. Уже на ходу она снова услышала слова невидимого искуителя:

– В кармане бутылка с эликсиром смелости. Выпей, если не будет хватать собственной...

6

Отвар бурлил ядовито-зелёными пузырями и наполнял кухню не совсем приятными запахами. Степанида Ивановна, поднеся ложку к носу, с довольным видом поморщилась и чихнула.

– Экая гадость! Славно пахнет, однако...

Из кузницы слышался мерный стук молота. Никола выполнял обещание, данное отцу Савелию: ковал какую-то железку для ремонта дизельного генератора. По опыту зная, что это затянется надолго, Степанида Ивановна тем временем готовила приворотное зелье. Посудачив утром со священником, она обдумала варианты кандидатур на роль невесты, и выбрала из всех Ларису, дочь Александра Ивановича. Деньги и уважение, окружающие самого богатого человека в селе, служили лучшим аргументом и доводом в пользу неё. Красота любой женщины тленна, а богатство родителей, если подойти к нему с умом, останется и детям, и внукам.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. Не успела Степанида Ивановна проветрить кухню, как в ворота постучали, и к ним пришла Лариса собственной персоной. Пахнуло от неё морозной свежестью, и это убедило хозяйку, что в выборе она не ошиблась. Плотненькая, ладно сбитая – сладкая косточка для своры мужиков. Может быть, глупа немного, но это только по молодости. Жене и не нужно быть шибко умной, знала бы толк в экономии да хозяйство вела грамотно. А порода у Ларисы хороша, лучше не придумаешь. Пьяниц в родне нет, сумасшедших тоже. И самоубийств не случалось. Крепкая порода. К тому же работающая, нынче только такие и выживают.

Степанида Ивановна, конечно, удивилась приходу девушки, но виду не подала. А тут и сын вернулся из кузницы – усталый, но довольный собой. Бросил на скамью пахнущую дымом деталь и сдержанно поздоровался с Ларисой.

– Мама, а где у нас метла? Во дворе нет, в сенях тоже. Запропастилась куда-то!

– А ты, Коля, приветь гостью-то, – посоветовала хозяйка. – Не каждый день к тебе приходят такие красавицы... Насчёт метлы не помню ничего. Знаешь ведь, бесполезно у меня спрашивать: забывчивая я стала очень. Найдётся потом. Тем более, праздник нынче, сор из избы выносить не принято. Поди-ка, умойся лучше!

И пока тот плескался возле умывальника, позвала Ларису в гостиную да предложила чаю. А между делом брызнула туда десяток капель своего свежеприготовленного зелья.

По всему видно, Лариса волновалась. В ней клокотали какие-то чувства, которых Степаниде Ивановне сразу было не понять. В таком состоянии немудрено, что не заметила девушка никакого привкуса у чая, выпила до самого дна.

– Вот и хорошо! – обрадовалась хозяйка. – Не хочешь ли ещё?

Метаморфоза произошла с гостьей почти сразу же. Если вначале она смотрела на Николу блуждающим взглядом, а сама была погружена в собственные мысли, теперь её будто переложили кирпичик к кирпичику – снаружи вроде бы то же самое, а внутри уже всё другое. Она едва сдержала вздох, когда в гостиную вернулся Никола с мокрыми всклокоченными волосами. А после того, как предложил он ей пойти в свою комнату, вспыхнула вся и метнулась за ним, как мотылёк на огонь.

– Чудно что-то... – пробормотала Степанида Ивановна, покачав головой. Случалось ей однажды варить подобное зелье, только испытывала она его на кошках, которые после этого целую неделю миловались на крыше и честным людям спать мешали. Но не замечала она в тот раз такой быстроты действия.

Между тем, едва за ними закрылась дверь, Лариса словно превратилась во львицу на охоте. Она принялась молча надвигаться на опешившего кузнеца, так что тому пришлось отступать вокруг стола.

– Ты чего? – только и смог произнести Никола, оказавшись, наконец, прижатым к стене. Вместо ответа девушка бросилась на него и впиалась губами в его губы смачными и долгим поцелуем. Их будто током обоих пробило! Кузнеца даже трясти начало. Он ровным счётом ничего не понимал, только деваться ему было уже некуда.

– Ты мой... – сказала Лариса и посмотрела на него взглядом голодной хищницы. – Ненаглядный! – Добавила после паузы, но всё равно это звучало двусмысленно. – Я вся трепещу, Никола! Послушай, как бьётся мое сердце.

Она прижалась к нему выпуклостями тулупа, и кузнец покраснел, как свёкла – густо и с лиловым оттенком.

– Ты... того... – сказал он сбивчиво и поднял руки, чтобы ненароком не коснуться пылающего рядом вулкана. – Не очень-то... – По его мнению, печь в кузнице не так палила, как лицо Ларисы и её пламенеющие глаза.

– Будь моим! – рыкнула девушка в ответ, обхватив его за талию, да так прижала к себе, что Никола разом выпустил весь воздух из легких и едва не задохнулся. Он упёрся гостев в плечи (в грудь постеснялся) и стал отпихивать её, чтобы просто глотнуть воздуха. А когда ему это удалось, прохрипел сипловато:

– Белены, что ли, объелась? Разве можно вот так сразу?..

Он был не очень-то далек от истины, потому что в состав приворотного зелья входила трава белена, любовно собранная и высушенная матерью под потолком сеновала – подальше от любопытных глаз.

– Можно! Мне всё можно! – ответила шёпотом девушка и закатила глаза в истоме. – Ты такой... такой...

– Какой? – наконец, нашёл в себе силы возмутиться Никола. – Мы знакомы едва-едва!

– Желанный! – Лицо Ларисы расплылось ослепительной улыбке, так что палящее пустынное солнце от зависти совершило бы над собой затмение.

– Да разве так бывает? Желанный – это когда два года под ручку ходят и записками обмениваются! Только потом... – Никола не договорил, потому что его перебили новым поцелуем, от которого у него закружилась голова.

– Чертовка! – только и смог пробормотать он, мотнув копной кудрявых волос.

– Я буду твоей прямо сейчас! – решительно сказала девушка. – Иначе вся растаю от желания.

– Ты же не Снегурочка!

– Всё равно! – упрямо ответила Лариса. – Я, может, даже нежнее и ранимее. Только ты не замечал меня, потому что на других девок смотрел.

– Каких других? – удивился кузнец. – Когда такое бывало?

– На Оксанку, вот каких!

– Свят, свят! Вот уж про кого...

И тут он осёкся. Потому что однажды, встретившись на улице с Оксаной и подивившись её гордому и независимому взгляду, какое-то время действительно думал о ней. Дело было летом, девушка надела в тот день голубое с оборками платье, и точёная фигурка проступала через него весьма заманчиво. Она несла ведра с водой, и он предложил свою помощь, только до дома было уже близко, девушка отказалась.

Не позволил тогда себе кузнец долго тешиться иллюзиями. Убедил, что не имеет права. Хотя мать давно и настойчиво намекала ему, чтобы оставил прошлое за спиной...

– Вот видишь! – с горечью в голосе произнесла Лариса. Его опущенные глаза рассказали ей обо всём. – Бегаешь за другими, а не замечаешь, как я сгораю одна... – Она всхлипнула даже. – От страсти!

– Да что ты, я же не специально... так получилось... – виновато забормотал кузнец, не зная, провалиться ему от стыда сквозь землю или просто выбежать из дома и схорониться где-нибудь до рассвета.

– Тогда возьми меня, любимый! – вскричала девушка, отведя назад руки, словно крылья обречённого на падение лебедя, и подставив Николе своё распалённое лицо.

И тут, на счастье, кузнец вспомнил, что должен идти к Савелию, чтобы помочь ему в ремонте генератора.

– Никак не могу! Идти нужно. Иначе танцев сегодня не будет. – Засуетился он сразу.

Спасительная мысль заставила его взять девушку под мышки и, будто пустотелый манекен, легко отодвинуть в сторону.

– Собираюсь я. Савелий ждёт уже.

– Тогда я пойду с тобой! – взвизгнула слабым голосом Лариса.

Хотел кузнец вначале воспротивиться, а потом подумал: какой у него есть выбор? Всё равно ведь увяжется за ним, неминуемо увяжется. Поэтому и выбрал из двух зол меньшее. Пусть лучше на людях под ногами вертится, чем с глазу на глаз дурить будет.

– Пойдём, шут с тобой. Хотя какая от тебя помощь? – И махнул рукой.

Ночь выдалась замечательной. Месяц, пританцовывая, плыл по небу и хитро посматривал на людей. Их любовные куры казались ему забавными и глуповатыми. В его хозяйстве каждая звезда знала своё место и не пыталась пробиться вне очереди. Потому и жизнь наверху текла ровно, без особых потрясений. Впрочем, в любом стаде найдутся паршивые овцы, но с ними у месяца разговор был короткий: под зад мешалкой и лети, куда глаза глядят. Не можешь жить по законам мироздания – придётся падать на самое его дно и сгорать, сгорать от стыда и горя.

Впрочем, хотя никто из людей и не догадывался об этом, на земле действовали те же самые законы. Нужно было только разглядеть их...

7

Они вышли из избы, и двинулись по узкой тропке, пересекающей огромный пустырь. Впереди – размашистыми шагами – Никола, которому, казалось, и снег не мешал, сзади – Лариса. Она семенила и отчаянно пыталась не отстать. Пару раз теряла равновесие, но удерживалась на ногах, а однажды всё-таки споткнулась и повалилась в самый сугроб. Чертыхаясь, кузнец вытащил её оттуда, отряхнул и направился дальше, бормоча себе под нос, что «с девками на работе одни проблемы».

Однокупольная церквушка высилась на самом высоком месте села – там, где летом сходились дороги, ведущие в соседние деревни. Нынче, конечно, выбраться в мир можно было только на санях, и желающих сделать это не находилось. А зачем? Продукты свои, а что до товаров разных – дожидались лета, когда просохнут дороги и приедут в село редкие автомагазины. Поэтому на санях в основном отправлялись за сеном, оставляемым в зиму стожками на ближайших покосах: сеновалы-то были уже полны.

Рядом с церковью пристроился клуб. Это было одноэтажное здание с парой окон, с другой стороны подпираемое сараем, который как раз и использовался под сеновал. Дальше следовал двор и изба отца Савелия. Так что на службу тому никуда идти не приходилось, всё располагалось рядом.

Клуб разделялся на два помещения – танцевальный зал и подсобку, где находились печь и дизельный генератор.

Подсобка была построена широко и удобно. Тут, помимо печи и машины, имелся ещё огромный верстак, на котором стояли три керосиновые лампы, тиски, точильный станок, а рядом в беспорядке валялось огромное количество разных инструментов, начиная с гаечных ключей, отвёрток и заканчивая зубилами, зенкерами и стамесками. Высокий потолок поддерживали три березовых столба. Они служили для того, чтобы на полати – место между потолком и крышей – можно было сложить множество временно не нужных вещей, не боясь проломить доски потолка.

В подсобке и нашли кузнец с Ларисой Савелия. Тот был одет в шапку-ушанку с торчащими в разные стороны ушами, промасленную телогрейку и, матерясь вполголоса, пытался нарезать резьбу в только что просверленном ручной дрелью отверстии. Сил не хватало, поэтому неожиданная помощь его обрадовала. Но ещё больше он оживился, увидев девушку.

– Знаете, молодёжь, что я удумал? – передав инструмент кузнецу, сказал хозяин. Он, несмотря на прохладный воздух в помещении, утирал пот с лица. – Нужно нам шире привлекать к культуре таких вот, как вы. Вычитал я вчера в дореволюционном журнале, как прежде проводились дискотеки. Ведущий звался ди-джем, его все знали и уважали.

– А у нас? – пыхтя, отозвался Никола. Задача с резьбой была как раз по нему: даже жилы на шее вздулись.

– У нас вот что получается. Наши парни с девками приходят сюда, а из соседних деревень что-то менжуются. Вот ты, Лариса Александровна, что по этому поводу думаешь?

– Дорог нет, потому и не идут, – отмахнулась та.

– Ясно дело, что нет! – хитровато прищурившись, согласился Савелий. – Но ещё в рекламе дело. Помните: «Не дай себе засохнуть!» и прочее?

– Не-а! – прохрипел кузнец, завершая очередной круг воротка.

– Это про что? – спросила Лариса, поглядывая на Николу как-то странно. Она даже губы стала облизывать, будто те пересохли.

– Про гадость всякую! – Савелий рубанул воздух ребром ладони. – Уточнять не будем. А вот перенять опыт в главном можно. Есть у меня мыслишка растрезвонить по окрестным

деревням, что появился у нас замечательный ди-джей, который зажигает... Понимаете, о чем я говорю? Словечко это я тоже вычитал, поэтому могу ошибиться в употреблении.

– А кто же будет этим... как его...ди-джем? – спросил, переводя дыхание, Никола и добавил: – Помню я их. В городе, случалось, ходил по клубам. Это называлось тусоваться.

– Точно! – обрадовался Савелий и, как бы между прочим, обнял Ларису. – А ди-джем я буду. Всё уже просчитано, даже имя себе придумал такое, чтобы далеко от канонов не отходить. Ди-джей Моисей! Неплохо звучит?

– Дядя Савелий, что-то нехорошо мне! – вдруг сказала девушка, взглянув на обоих мужчин мутноватыми глазами.

Тот, с некоторым сожалением отпуская её талию, ответил:

– Пойди отдохни на сеновале, пока мы тут с Николой дело завершим.

– На сеновале? – зачем-то переспросила Лариса и жеманно закатила глаза.

– Да, там тепло и... места довольно, – подтвердил Савелий, внезапно сбившись, и вдруг удивился сам на себя: зачем он так сказал. Ведь ясное дело, что пришла девка не к нему в гости. А раз так, отбивать её нет у него никакого права. Да и на что ей старый козел? Молодых вон пруд пруди... где-нибудь в других районах. Поблизости-то как раз наоборот, имелся явный дефицит парней...

Может быть, поэтому внутренний голос тут же обиженно ответил: «Таких козлов ещё поискать надо! Интеллигентный, жизнь знает, как свои пять пальцев. С местом, опять же, определился тёплым да прибыльным. Без всяких трудозатрат и усилий имеет достаток, которого не то, что на жену, а на двух хватит!» Тут Савелий поперхнулся собственными мыслями, представив себя в окружении парочки симпатичных женщин, в одной из которых сразу признал Ларису, а в другой, к своему смущению, мать кузнеца. Одна шаловливыми пальцами поглаживала плешь на его затылке, а другая, улыбаясь, доверчиво и многообещающе положила голову на грудь.

«Тьфу, навел на грех нечистый!» – мысленно выругал чёрта хозяин сарая, быстро входя в роль священника, и за печкой тотчас послышался какой-то шорох. Впрочем, на него никто не обратил внимания.

– Пойду я... – произнесла Лариса изменившимся голосом – видно, устала! – и отправилась к двери, ведущей на сеновал.

Едва только она скрылась, мысли в голове Савелия завертелись каруселью. «А что! – воскликнул он про себя. – Кто не рискует, тот не пьёт. Попытаюсь, по крайней мере...»

Хмыкнув и наклонившись ближе к кузнецу, он доверительно произнёс.

– У меня к тебе, Никола, разговор есть... Только не для чужих ушей. Понимаешь?

Тот, закончив, наконец, с резьбой, присел на чурбак, обтёр руки ветошью и ответил:

– Не очень.

– Это ты привел сюда девку-то?

– Какой чёрт я, сама привязалась! – отмахнулся Никола. – Прогнать неудобно.

– Вот и я говорю, негоже сразу с двумя-то... не по-христиански получается.

Кузнец сделал большие глаза и спросил удивлённо:

– Как это с двумя, дядя Савелий?

– Так ты разве ничего не знаешь? Или притворяешься, чтобы одурачить пожилого человека?

– Ни сном, ни духом! – поклялся Никола.

– Поговаривают в селе, что женишься ты на Оксане...

Парень даже голову склонил набок – так его покорила новость.

– Это кто же так болтает? – В его словах явно сквозила угроза.

– Кто, как не сама Оксана! – усмехнулся Савелий. – Или тебе ещё вернее источник нужен?

– Оксана?!

Тут у Николы даже слов не нашлось. Он несколько раз сжал и разжал огромные кулачищи, привыкшие держать молот, и подумалось вдруг Савелию, что не ко времени затеял он свою игру. Если что не сложится, может кузнец и прибить под горячую руку. Но взглянул Савелий ещё раз на дверь, за которой, небось, уже почивала душа-девица, и её метафизическое очарование подтолкнуло его сделать следующий шаг.

– А что ты расстроился? Такую девку в капусте не находят. По нраву ты ей. Сам слышал. Имеет она намерение охмурить тебя любовью.

– Да что они все, с ума посходили, что ли?! – воскликнул тогда Никола, в сердцах бросив ветошь на верстак.

– Что, и эта тоже? – искренне удивился Савелий. Вот так петрушка! Выходит, кузнец-то не так прост! И к тому же нынче нарасхват.

– Вот именно! – Никола в растерянности принялся усиленно мять свою шапку. – Дядя Савелий, подскажи, как поступить?

Его собеседник на секунду задумался. Кажется, случай был подходящий. Тем более, что инициатива вопроса исходила от самого кузнеца. А что мнение у человека вполне определённое сложилось – так это дело неподсудное: каждый имеет своё. Поэтому, мысленно собравшись духом, Савелий скроил соответствующее случаю выражение глубокой задумчивости, трижды потёр подбородок, потрепал не очень густую бороду, и только потом размеренно ответил:

– Ну, как мужик мужику я бы тебе посоветовал словами Оксаны не бросаться. Она баба боевая. Что решила, так тому и быть. Конечно, если на то есть воля Божья, – оговорился он для приличия.

Крепко задумался кузнец. Лицо его потемнело, а Савелий похлопал парня по плечу и пошёл за гаечным ключом, чтобы приладить выкованную деталь.

Он закончил с этой работой, потом проверил топливо в баке и, благословясь, рывком стартёра запустил генератор. Тот, несколько раз громко фыркнув, затарахтел ровно и ритмично. Под потолком тотчас зажглись несколько лампочек, осветив подсобное помещение, как днём.

Только после этого хозяин обратился к Николе.

– Хорошо сработано... Ну, что решил, хлопец?

– А будь, что будет! – вскричал кузнец и ударил шапкой об пол. – Не знаю я, что делать, дядя Савелий. Пусть женой моей будет та, которая первой принесёт новые валенки с резиновыми калошами!

Заявление, хоть и сделанное сгоряча, с точки зрения Савелия было более чем неглупым. Новые валенки с резиновыми калошами стоили больше, чем удоиная корова с телёнком. Хотя овец в каждой деревне имелось множество, мастеров по изготовлению валенок нужно было ещё сыскать. Ближайший жил в городишке за сорок километров от села. Добраться до него зимой по засыпанным снегом дорогам невозможно, поэтому такой ход можно было расценить как отсрочку, которую кузнец взял для принятия окончательного решения.

– Пусть будет по-твоему! – кивнул Савелий. Он немного раздосадовался, хотя и понимал, что ревность в его положении – грех. Но, как говорят, охота пуще неволи.

В тот самый момент раздался сильный хлопок, сверкнула вспышка, генератор, натужно гудя, прекратил вращение, и лампочки под потолком погасли как одна.

– Вот чертовщина! Опять поломался. А ведь сегодня должны быть танцы! – выругался Савелий.

Кузнец ещё толком не пришедший в себя, развел руками. В электричестве он был не силен.

Нескольких минут Савелию хватило, чтобы понять: сгорели выпрямительные диоды, подающие постоянный ток на обмотки возбуждения.

– Вот незадача! У меня никогда их и в запасе не было. Сколько себя помню – однажды только такое случалось, чтобы выходили из строя, да и то лет двадцать назад. Не догадался тогда у председателя денег выпросить ещё на один комплект. Вот дурень! – сокрушённо сказал Савелий.

– Значит, нам его сегодня не починить, – согласился кузнец, рассматривая протянутый собеседником погоревший блок.

И тут случилось неожиданное. Объяснить это позже не смогли ни сам хозяин, ни, тем более его гости. Даже девушка, принимавшая в произошедшем самое непосредственное участие, молчала, как рыба.

А вышло вот как. Дверь, ведущая в сеновал, рывком распахнулась, и оттуда вырвались клубы дыма. Они стали стелиться по полу, и всполохи света от керосиновых ламп заиграли в них, будто огни на сцене. В этих клубах и появилась Лариса.

Она была без тулупа, но в валенках, белой рубашке и лёгком сарафане. Её распущенные волосы спадали по спине и плечам. Две верхние пуговицы на рубашке оказались расстегнуты, и зрителям предстала прелестная и завораживающая ямка, продолжение которой можно было домыслить, глядя на округлые формы девушки.

Глаза её сияли безумным огнем, который освещал подсобное помещение лучше всякого электричества, а в руках она держала точно такой же блок, что и кузнец, только без следов копоти. Лариса бросила этот блок Савелию, который прошептал только: «Боже мой, новый! Откуда?», а сама напряглась, как кошка пред броском, и метнулась к берёзовому столбу.

Поражённые мужики даже сели от неожиданности, когда девушка утробно заурчала и обвилась вокруг подпорки подобно змее. Из-под подола сарафана высунулась её голая выше колен нога и принялась выделять такие па, что у зрителей глаза на лоб полезли.

Но это было только начало. Изгибаясь в завораживающем танце и выставляя напоказ то одну, то другую часть тела, Лариса немислимым образом выскользнула из сарафана и осталась в одной рубашке.

Кузнец закрыл левый глаз, но проделать то же самое с правым не смог – что называется, рука не поднялась.

Девушка, продолжая непрерывно двигаться, рванула ворот своей рубашки, и пуговицы, будто осколки от гранаты, разлетелись по полу. И тогда она бесстыже оголила грудь, трясая ею, как цыганка плечами.

Трудно описать ужас, в котором пребывал Никола. Он застыл, прикованный к месту, и не мог подняться, даже если бы захотел. Что же касается Савелия, тот смачно сплюнул и произнес фразу на непонятном простому обывателю языке:

– Натуральный стриптиз, мать его за ногу! Как по журналу...

И тут на пол упала и с громким звоном разбилась небольшая бутылочка, выпавшая у Ларисы из-за голенища валенка. Девушка тотчас замерла, взгляд её стал постепенно проясняться, и стеклянное выражение с него спало.

– Ох! – сказала она негромко, потом посмотрела на себя и неожиданно взвизгнула.

Кузнец уже не видел, как она в испуге пыталась прикрыться руками, как её сотрясали рыдания, и как на помощь ей поспешил отец Савелий. Никола, подхватив шапку, бросился вон из клуба. Он выскочил на свежий воздух и не мог остановиться, пока не пронёсся по тропе вокруг всего села. А это без малого два километра! Только задохнувшись от бега, остановился перевести дыхание и поднял разгорячённое лицо к небу.

Звёзды хитровато подмигивали и явно потешались над ним. Произошедшее походило на сцену из старых дореволюционных фильмов, в которых всё было перемешано в кучу: и любовь, и блуд. Эти фильмы уже порядком забылись, а новых снимать было некому. Только, возвращаясь к Ларисе, добро бы, если всё было задумано, чтобы развлечь их с Савелием. Такое не возбраняется, народ любит посмотреть на ряженных. Но то, что им представилось, выглядело

совершенно по-другому... И он сам взял с собой девку, не проверив, трезва ли она! Будто морок глаза затмил. Оказалось, что пьяна, и изрядно. Комедию закатила, дурья башка! Это... это варьете какое-то, а не танцы!

Кузнец сплюнул в сердцах. Куда только родители глядят? У них спиртное из запасов сливают, а им невдомек. Хватило-то ей, кажется, всего четверка, чтобы потянуло на пляску. Организм, значит, неокрепший... Никола даже зубами скрипнул. Не доводилось ему ещё видеть такое в живую. Может, только по молодости, в дореволюционное время, и то уже не вспомнить. Сподобил же чёрт ляпнуть при отце Савелии, что он готов выбирать между двух девок! Сейчас сделается посмешищем для всего села. Вот уж не думал, что жизнь поставит такой выбор: первая, никого не стыдясь, в одном исподнем вокруг столба вьётся, а вторая...

Тут он задумался. Конечно, мысли и дальше пытались скакать без порядку, но откуда-то из глубины души появилось чувство, что он вершит несправедливость. Про Оксану ничего плохого на селе не говорили. Слышал кузнец, что она норовиста, такие мужиками вертят, как им вздумается. Только это нынче не в диковину. Бабы уже давно как с цепи сорвались: одним подавай сразу всех без разбора, но то гулящие; другие же такое о себе мнят, что старыми девами остаются, пары найти не могут. По сути, несчастны и те, и другие. А где золотая середина, знает, похоже, один Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.